

Волышовская старина*

9. ЦЕРКОВЬ И ПРИХОЖАНЕ

ДО 1917 года церковь играла важнейшую роль в жизни общества в России. Было бы несправедливым не сказать несколько слов о влиянии церкви на жителей Волышова и окрестных деревень.

До недавнего времени влияние церкви оценивалось однозначно - "опиум для народа". Сейчас мы впадаем в другую крайность, считая ее чуть ли не единственным источником формирования в человеке высоких нравственных качеств. А как было на самом деле? Нельзя сказать, что все население Волышова и окрестных деревень поголовно верило в Бога. Часто "забывали" посетить службы школьники, что, в общем, неудивительно - их посылали в церковь учителя и родители. Однако и среди взрослого населения встречались люди, особенно мужчины, которым приходилось напоминать о том, что следует исполнять долг перед Богом. Этим приходилось заниматься местным властям.

Волышовская церковь считалась "домовой", где только молились, отправляли службу. "Приходская" церковь располагалась в Тишинке - там венчали, хоронили, крестили детей и совершали все другие обряды. Но и волышовцы, и крестьяне-соседи очень любили ходить в "домовую" церковь, так как была она богатой и ее посещение усиливало впечатление от праздников. Приходили люди даже из отдаленных деревень, например, из Лисья и Щенца. Богослужения проходили регулярно каждую субботу и воскресенье, а также во все церковные праздники.

Главным храмовым праздником было Преображение Господне (Спас) в августе. По многолетней договоренности службу отправляли священники из Тишинки и Жаборов. Все условия пребывания батюшек в Волышове, оплату из бюджета имения обеспечивал церковный староста. Под условиями подразумевался ночлег, питание, включая даже баню.

Церковь, не говоря уже об архитектуре, и внутри поражала красотой и чистотой всяк сюда входящего. "Царские врата" в алтарь и сам алтарь блистали позолотой. Перегородки, отделявшие алтарь и место для хора, обтянуты бархатом, пол выложен из каменных плиток и покрыт ковровыми дорожками, подсвечники и люстра, которую зажигали во время особо торжественных праздников, тоже позолочены. Все это стояло перед глазами молящихся и настраивало их на благоговейный лад.

Прекрасно пел церковный хор, регентом (руководителем) которого был волышовский учитель Александр Иванович Трошнев. Пели в нем добровольцы и несколько школьников.

*Продолжение. Начало в №№ 3/95 и 4/96.

Настоящее издание подготовлено к печати дочерью Г.В.Проскуряковой Н.Н.Масленниковой.

Во время службы в церкви сохранялся строгий порядок, и не только порядок в привычном понимании, а даже в выборе места. Женщины стояли всегда слева, а мужчины - справа. С левой стороны, на всякий случай, находилось несколько красивых стульев для больных и слабых старушек, отдельное место полагалось для почетных посетителей, прежде всего семьи графа.

С правой от алтаря стороны было небольшое помещение, закрытое как изнутри, так и снаружи, куда почти никто не имел права входить. Там покоились предки князей Васильчиковых и графов Строгановых, похороненные в Вольшове. После 1917 года это захоронение раскопали. Ходили слухи, что два погребенных тела были забальзамированы.

Можно вспомнить имена священников. Два из них были старшими: отец Александр Мутовозов из Тишинки и отец Василий Успенский из Жаборов, опытные проповедники и организаторы церковных церемоний. Два младших тоже хорошо знали свое дело - это отцы Василий Чернозерский и Михаил Мутовозов. (Михаил, кроме службы, преподавал Закон Божий в вольшовской школе.)

10. УПРАВЛЯЮЩИЕ И СЛУЖАЩИЕ В ВОЛЬШОВЕ. ЖИЗНЬ СЕЛА

Для управления имениями Строгановы всегда стремились выбирать наиболее подготовленных и с большим опытом людей, в том числе и иностранного происхождения.

Почти напротив "графского дома" и наискосок, через дорогу, в большом оштукатуренном кирпичном доме с высокой башней над крыльцом жил управляющий Г.Х.Мозерт, агроном по образованию, немец, сам уже имевший небольшую мызу под Порховом. Он давно и хорошо знал полевое хозяйство села. В конце XIX века за Вольшовом числилось 2060 десятин земли, из них пашни 950, сенокоса 256. Севооборот был многопольным - от 7 до 11 полей на разных участках пашни. В земских характеристиках отмечалось также, что в Вольшове имеется питомник - 5 десятин, разводится племенной скот, широко применяется орошение. К последнему надо внести поправку: применялось не только орошение, но и осушка заболоченных вокруг села земель. На управляющем лежала сложная миссия - отношения с крестьянами окружающих деревень (об этом ниже, в главе о крестьянах), а кроме того, связи с главной конторой, графом, губернатором и всеми властями - губернии, уезда и волости. Единственный в Вольшове телефонный аппарат был только в его доме.

Г.Х.Мозерт был старым холостяком, увлекался садом, дружил с людьми своего ранга, главным образом вне Вольшова и чаще с прибалтийскими немцами, хотя по-русски говорил великолепно. В домашних делах подчинялся экономке - Татьяне Ефимовне, когда-то красивой, живой и властной женщине. Она была бы не прочь играть роль хозяйки и в Вольшове, но по необразованности не представляла всех своих возможностей. Ей удалось достичь предела мечтаний - купить хутор для сына. По всем этим, казалось бы, маловажным обстоятельствам управляющий, спокойный и внушительный, всегда хорошо одетый, подавал пример чинного поведения, но был довольно далек от остальных жителей села. Дом его

не играл роли общественного центра, но и власть его не была особенно обременительной. В доме управляющего были особые комнаты для приезжающих из Главной конторы строгановских служащих.

Вторым человеком в селе был управляющий русской и английской конюшней и конным заводом англичанин Карл Иванович Пейдж. Свои сложные функции он нес после смерти брата Василия (Вильяма) Ивановича. Жил он в Дорогинях, в отдельной усадьбе (в километре от Вольшова), по-видимому, обосновавшись там тогда, когда он управлял этим отделением конного завода (там размещался молодняк, лошади-двухлетки). Суровый, подтянутый, женатый на бестолковой и суетливой даме Анне Никитичне, он держался еще более особняком, чем Мозерт. Часто ездил в Англию, где у него было много дел и необходимых для имения связей: покупал там и лошадей, и упряжь, и экипажи; вернувшись, много времени проводил на работе, сам объезжал лошадей, руководя всем сложным хозяйством конного завода и конюшен.

Он необычайно поразил окружающих, когда перед первой мировой войной буквально бежал из Дорогинь, из России и от жены. Наверно, он долго к этому готовился: за несколько лет до этого отправил в Англию вдову брата с тремя мальчиками, англичанку Маргариту Ивановну (Мегги), родившуюся в Вольшове, где служил ее покойный отец. А потом сам поехал за ними, бросив прекрасно налаженный дом в Дорогинях в пользу оставленной жены. Она, все распродав, вскоре уехала, а просторное здание, увитое диким виноградом, в дальнейшем пригодилось для размещения целой рабочей дружины, присланной из Петрограда в годы войны. Дом этот есть и сейчас, но заброшен и полуразрушен.

После К.И.Пейджа в Вольшове остались несколько отличных наездников и конюхов, продолжавших поддерживать доброе имя конного завода. Они жили в "английском домике" на парадном круге справа от главных конюшен, заняв бывшую квартиру старшего из братьев Пейджей.

От английской конюшни издавна отставала русская. Даже знаменитый наездник и главный кучер Николай Васильевич Дубровский перешел служить в Княжьи Горки, к сестре графа Строганова, а на его месте стал править вольшовскими тройками представительный, но неповоротливый И.Д.Дмитриев.

Третьим лицом вольшовской иерархии был Г.П.Пеший (по отцу украинец), управляющий "арабской" (или "казачьей") конюшней и охотой. Располагая особым штатом охотников, кучером, конюхами и самостоятельным хозяйством на окраине села, он имел меньше власти и соответственно меньше забот, чем агроном - управляющий. И дом его был меньше и скромнее; впрочем, как и К.И.Пейдж, он свободно распоряжался всеми помещениями и землей своего "ведомства". Садом он не увлекался, но огородил участок вокруг дома березовыми аллеями, за которыми начинался огромный луг.

У управляющего охотой было особое преимущество и вытекавшая из него дополнительная ответственность: он был почти коренной вольшовец (отец его, крепостной князей Васильчиковых, был переведен из их белорусского имения) и единственный из вольшовской администрации был православным. Поэтому в его ведение была отдана домовая церковь, находившаяся рядом с графским домом. Как и все "домовые" церкви, она не имела прихода, в ней не совершались

некоторые таинства (похороны, венчания и т.д.), не велись метрические книги, но она была открыта для окружающего населения, и ее староста Г.П.Пеший должен был подыскивать священников в соседних приходах, где было по два состава служителей культа. Эта его вторая должность, выполнявшаяся очень тщательно, создавала ему какой-то особый авторитет в округе и дополнительное, вдобавок к руководству охотой, право на прямую связь с графом Строгановым. Когда-то, в юности, окончив городское училище, он был взят в камердинеры графа, затем юнгой плавал на его яхте вокруг света. И хотя дом его, стоявший почти на отшибе, окруженный большим хозяйством - пасекой, садом, огородом, птичником, - тоже не был особенно открытым и жена была у него весьма суровая и властная, не располагавшая к себе людей - он как бы олицетворял патриархальные отношения, лучше других знал владельца Вольшова и принимал к сердцу защиту его интересов. Отсюда сдержанно-критическое отношение к деятельности высших властей Вольшова, постоянная мысль о том, что они могли бы вести хозяйство экономнее и прибыльнее.

Одна смешная деталь в отношениях между управляющими была известна всем жителям села: и Г.Х.Мозерт, и Г.П.Пеший вечером, если позволяла погода, проверяли свои часы по заходу солнца. Для этого надо было выйти в поле, чтобы видеть черту горизонта. Каждый житель села мог проследить, что эти соседи и ровесники уходили в разные стороны и никогда не встречались друг с другом. Наверно, так же тщательно избегали они встреч и во всех других обстоятельствах.

После февральской революции 1917 года Г.Х.Мозерт ушел со своего поста (или был смещен), Г.П.Пеший занял место управляющего, переехал в его дом и начал ... "наводить порядок", переделывать вольшовское хозяйство по своим давним, по-видимому, планам. Время было совсем не для реформ: крестьяне уже брали в свои руки леса, поля и сенокосы помещиков. Деятельность нового управляющего оттолкнула от него не только крестьян, но и жителей села. В итоге ему едва удалось уехать, а точнее, бежать из Вольшова в Петроград перед самой Октябрьской революцией, оставив все, что было нажито за десятилетия обеспеченной и умеренной жизни. Более осторожный его предшественник дожил свои дни недалеко от Вольшова.

Колоритной и заметной в селе фигурой был, как уже было сказано ранее, садовник. Чех, женатый на немке, Вячеслав Иванович Ватцек очень плохо говорил по-русски, страшно ругался "русской свиньей" и угрожал всякому проникшему в сад расправой, запретил купанье в Круглом пруду, охранял цветники и оранжереи даже от собственных детей. И при всем этом он был отличным мастером своего дела: магически под его руководством расцветали при любой погоде цветники партерные и штамбовые; на лето повсюду расставлялись вечнозеленые растения и пальмы, на зиму убравшиеся в оранжереи; выгонялись ранние тюльпаны и гиацинты, а в теплицах вызревали виноград и персики. Есть их никому не удавалось, но их многие видели, а счастливы и пробовали. Из их четырех детей, которые все, кроме младшей, разъехались из Вольшова, единственный сын Рудольф, устроенный в Ганновере на коммерческую службу, каждое лето приезжал в Вольшово и дружил со своими сверстниками.

В.И.Ватцек жил скромнее других руководителей вольшовского хозяйства,

даже не занимал особого дома, довольствуясь половиной жилого здания бывшего птичника. У него не было особого штата рабочих, в саду обычно работали поденщицы. Наверно, отчасти поэтому он, вместе с младшей дочерью, смог работать в Вольшове и при Советской власти.

Были еще в Вольшове владения школьного учителя Александра Ивановича Трошнева. В его распоряжении было довольно большое здание школы на северной окраине села (в верхнем этаже - мансарде была и его квартира). При школе были хозяйственный двор для птицы, свиней и инвентаря, игровая площадка, большие сад и огород, и даже особый школьный березовый парк. Учитель был хороший. Когда-то было их двое, наверно, в связи с тем, что в селе было больше жителей, особенно хорошо преподавал арифметику, для населения устраивал "чтения с туманными картинами" ("с волшебным фонарем") - тогда световая аппаратура только начинала появляться в некоторых школах.

С учениками А.И.Трошев был достаточно строг и крут: умел высмеять и наказать. Он не только держал в полном порядке силами учеников сад и огород, но и заготавливал все, что положено для школы и учителя - от дров и веников до грибов. Учитель был регентом церковного хора, умело подбирал певчих и среди учеников, и в селе, и в окружающих деревнях; в школе было довольно много книг, граммофон с пластинками - все это делало школу более притягательным и авторитетным центром, чем чопорные и недоступные конторы всех трех управляющих.

Похожим было положение фельдшера В.Г.Проскурякова. Как и учитель, он оказывался в двойном подчинении: графской главной конторы и земства, так как должен был лечить окружающее население, а не только служащих в Вольшове. Дом, в котором размещалась "Аптека", находился в самом центре села, на шоссе, перед ним была длинная коновязь; крестьяне, приезжавшие издалека, ожидали приема у своих телег или одноколок, если им не хватало места или не было сил сидеть на длинной скамье у дома. Здание, где размещалась амбулатория, было из кирпича, оно резко отличалось от всех других домов в селе скромностью, почти строгостью всего облика. Большие окна, расположение комнат вдоль коридора выдавали его первоначальное назначение: когда-то оно было построено под больницу.¹ Больница была основана графиней Татьяной Дмитриевной в память об умершем муже. После смерти Татьяны Дмитриевны ее сыном в ее память неподалеку, в селе Александрове, был оборудован своего рода больничный городок, а в Вольшове остался фельдшерский пункт. Больница в двух шагах от парадного двора и графского дома была бы не на месте; поэтому в большом доме, кроме пункта и квартиры фельдшера, были поселены в части верхнего этажа и в половине нижнего многие служащие - кастелянша, мастера из столярной, слесарной и других мастерских и т.д.

Несмотря на строгость и скромность этого дома, он не портил общего впечатления от центра села, и в рисунке мансардной крыши и окон повторялся художественный прием, характерный для крыш зданий парадного круга. В доме

¹ По "Списку населенных мест" (т. XXXIV Псковская губерния, СПб, 1985) по сведениям 1872-77 гг., в Вольшове значились домовая церковь, больница и школа.

были оконные проемы красивой формы (со стороны улицы трехчастные), потолки были высокие, мансарды в верхнем этаже теплые и большие. После Великой Отечественной войны самая большая в этом доме комната долго заменяла кинозал.

Хозяйства у фельдшера и других жителей дома не предполагалось, не было никакого двора, только узкий, маленький сад, примыкавший к владениям графского садовника.

Фельдшер В.Г.Проскураков был молодой, приехавший из Петербурга и женившийся на одной из вольшовских невест. Работа его была трудная: надо было выполнять клятву Гиппократ в условиях страшной бедности и темноты большинства пациентов из деревень, заслужить вместе с тем авторитет у жителей села, которые могли обращаться за помощью и в уездный город, и в Александрово к доктору медицины Г.Г.Рюккеру, прямому начальнику вольшовского пункта.

Со всеми задачами фельдшер справился, как и учитель. Обе их семьи держались друг друга, жены были со средним образованием, жена учителя была еще и музыкантша, и очень изобретательная хозяйка; жене же фельдшера, большой рукодельнице, приходилось много помогать мужу, иногда в ущерб хозяйству: в амбулатории не было санитаря, много лекарств приготавливалось на месте. Деревенской девушке - "прислуге" - доверялась лишь уборка и отопление.

Заметным домом было в селе сохранившееся и поныне деревянное здание почты: при нем красивый сад, предоставленный, как и большая часть здания, не почтовому работнику, а конторщику имения. Почтмейстер был старый холостяк, и, хотя у него была охотничья собака, даже с охотниками он был связан мало, но зато конторщик Д.П.Волков имел многочисленную и очень веселую семью: к пяти его дочерям и сыну приезжали подруги и товарищи, так как вольшовская молодежь училась в городах и в селе была заметна только летом.

Конторщик всем обликом походил на своего прямого начальника - управляющего, как и тот, был хорошо одет во все заграничное, курил самые дорогие папиросы и держался особняком от рядового населения, друзей и знакомых имел за пределами Вольшова.

Такой же важной повадкой отличался и главный механик О.И.Блус, живший в деревянном доме на южной окраине села, неподалеку от мастерских, ферм и прачечной.

Как уже было сказано, за каждым из заметных в селе людей стоял их штат низших служащих: кучера, конюхи, охотники, рабочие конюшен, псарника, питомника, мастерских. Если прибавить еще к ним дворецкого - со штатом самого графского дома, заведующую молочной фермой Анну Андреевну Лайвин с ее подчиненными, заведующую приютом и богадельней (они были малолюдными, и в селе их обитателей почти не было видно) и несколько пенсионеров - бывших служащих или их вдов - это и было постоянное население Вольшова. Всего жителей в селе (вместе с семьями) считалось около трехсот человек. Почти всегда что-нибудь перестраивалось или ремонтировалось - жили сезонные рабочие; при каждом здании - мастерских, школе, конторе, амбулатории - находились постоянные чернорабочие или "прислуги". По соседству с рабочей конюшней, где были размещены лошади-тяжеловозы (их называли битюгами, першеронами, "кулебками") - находилось помещение "семейной", там готовили еду для

нескольких десятков сезонных и некоторых поденных рабочих, наверно, связанных с полеводством. Некоторых - потому что женщины, работавшие в парке, нанимались "на своих харчах".

Рабочий порядок в селе был строгим: ударами в особый колокол отмечались начало рабочего дня, начало и конец обеда (12-14 часов) и "шабаш", то есть конец рабочего дня. На ферме был, кроме того, свой распорядок, определявшийся летом выгоном скота и возвращением стада, в котором было около 100 дойных коров. Во владениях управляющего охотой раздавался свой сигнал: залившимся лаем нескольких десятков взрослых собак и стольких же щенят население Вольшова извещалось об утренних и вечерних кормежках. Тишина нарушалась надолго, несмотря на то, что псарник и его "стайки" (отделения) находились на краю села, за цветниками, садами и "зверинцем".

Несколько слов о положении служащих: кроме "жалованья" от 20 до 200 рублей в месяц, в зависимости от должности они могли получать по приказанию графа из денег главной конторы различные "пособия": главным образом на лечение серьезных болезней и на образование, на каждого ребенка, пока он учился. Это было гордостью владельца Вольшова - что его "люди" имеют больше прав и устроены лучше, чем подданные царя. Однако пособия на образование, 250 рублей в год, в XX веке перестало хватать, где бы ни учились сын или дочь - в Порхове, живя "на квартире", или в Петербурге, в закрытом учебном заведении.

Были две черты в положении служащих, которые трудно объяснить. Все жилые помещения Вольшова были снабжены необходимыми вещами и утварью, в квартиры служащих переходили отчасти те шкафы, кровати и стулья, которые отслужили уже свое в графском доме. Поэтому в обстановке квартир были подлинные старинные вещи и мебель, сделанные иногда местными мастерами по хорошему, в том числе новейшим столичным образцам. У дворецкого можно было получить иногда и прибавку инвентаря, когда, например, разрасталась семья. Если обстановка не нравилась и ее не хватало, можно было купить или заказать в мастерских за свой счет новые вещи и ими впоследствии распорядиться.

И второе: многие, может быть, и все жители села имели право получать дрова с лесных дач графов Строгановых, молоко - с фермы, каждый день строго по норме. Норма устанавливалась в зависимости от должности. Картошку и овощи могли получать с большого общего огорода. Эти два "права" - на обстановку жилья и некоторое снабжение, с одной стороны, напоминает положение дворовых людей крепостных времен. Но, с другой стороны, в них виден и хозяйственный расчет: старое можно не выбрасывать, продукты, которые в изобилии, не нужно везти в город на продажу. Давая работающим часть платы "натурой", можно платить меньше деньгами. Учитель и фельдшер, в Вольшове, например, получали по 50 рублей в месяц - в Петербурге такое жалование было у конторщицы или машинистки любого учреждения. Хотя объем работы и ответственность за нее нельзя сравнить. Тем не менее несколько привилегированных служащих Вольшова и деньгами, и натурой были обеспечены много лучше других. Были и такие категории служащих, которым жилось привольно из-за постоянного отсутствия владельца села, из-за фактической консервации некоторых служб. Особенно бросалось в глаза завидное безделье охотников; им приходилось выслушивать

упреки от крестьян, но многие из них умели и нагругить в ответ. Успех имела сложенная по этому поводу частушка:

Вольшовские псари
Издали что короли:
Подойди-т-ка-к ним поближе -
Настоящши кобели.

Однако и среди охотников были мастера своего дела: им приходилось объезжать лошадей, выращивать молодняк, учить и лечить собак. Жены многих из них занимали должности по дому: так, жена охотника Татьяна Филимоновна Глазкова отлично вела в селе прачечную (не только все службы в селе обеспечивались ее трудом, но и жители за небольшую плату). Один человек помогал таким образом сохранять жилые дома от ущерба, связанного со стиркой, качество работы прачечной было безупречным, и Татьяна Филимоновна пользовалась всеобщим уважением.

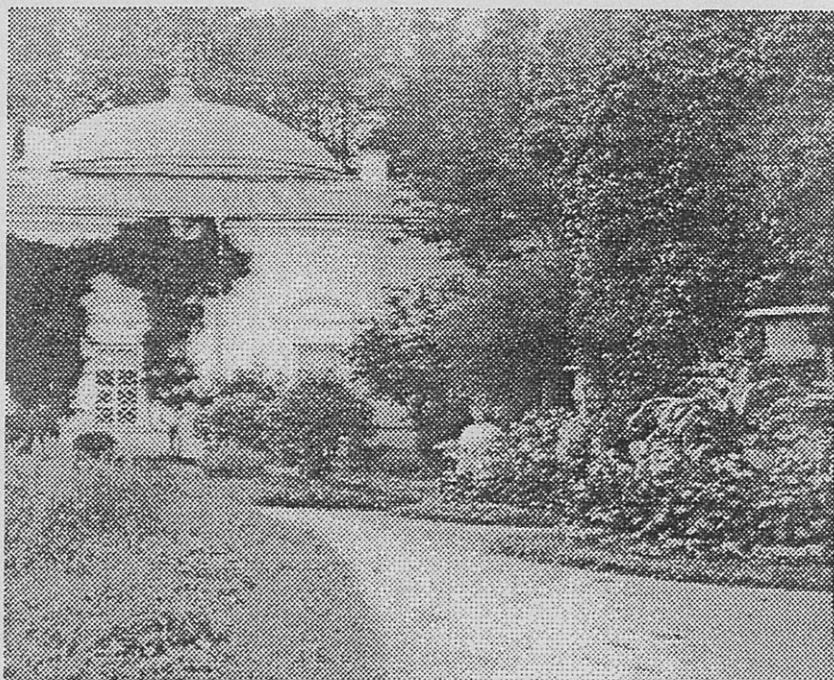
В селе был большой огород и плодовый сад; огородники почти всегда были из Прибалтики, латыши или эстонцы. Выращивались всевозможные овощи, часть их отправляли в Петербург, для нужд главной конторы, но и жители села могли покупать все необходимое. Осваивались новые или изысканные огородные культуры - спаржа, фасоль, кольраби. Росли лучшие сорта груш, яблок, слив, вишен. Тогда только входили в быт помидоры, рассада из Вольшовского большого огорода и из огородов служащих постепенно доходила до деревень. Так близость Вольшова иногда и благотворно сказывалась на развитии крестьянского хозяйства.

(Продолжение следует.)

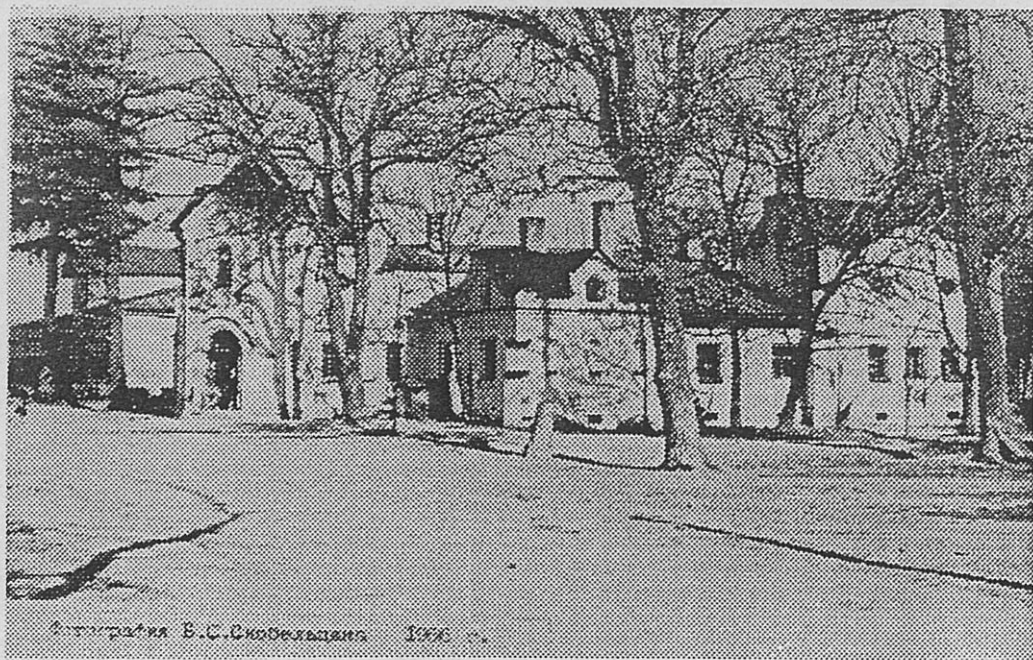

Иллюстрации к "Воспоминаниям"

Все фотографии 1910-х гг. сделаны В.Г.Проскуряковым

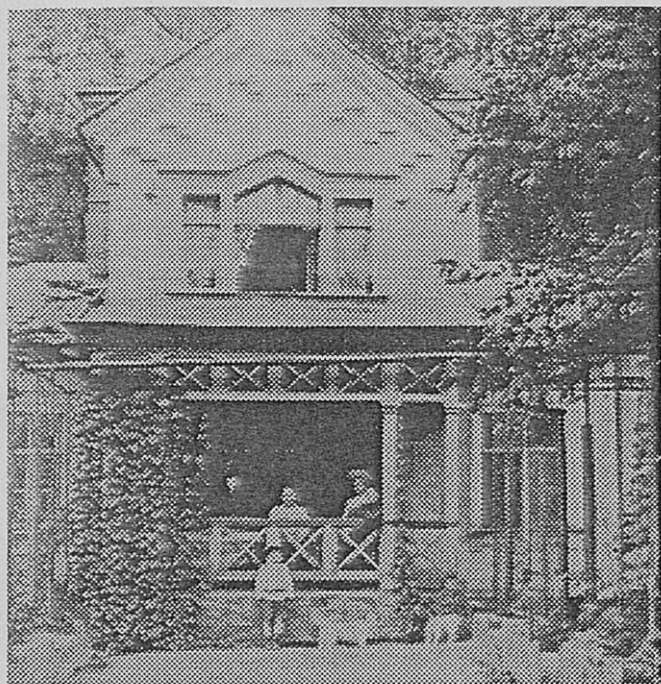

Церковь. Фотография 1910-х гг.

Фотография Б.С.Скобелца 1966 г.

Дом управляющего. Фотография Б.С.Скобелца 1966 г.

"Птичник" в парке. В доме жили А.П.Фишер и В.И.Ватцек.
Фотография 1913 г.

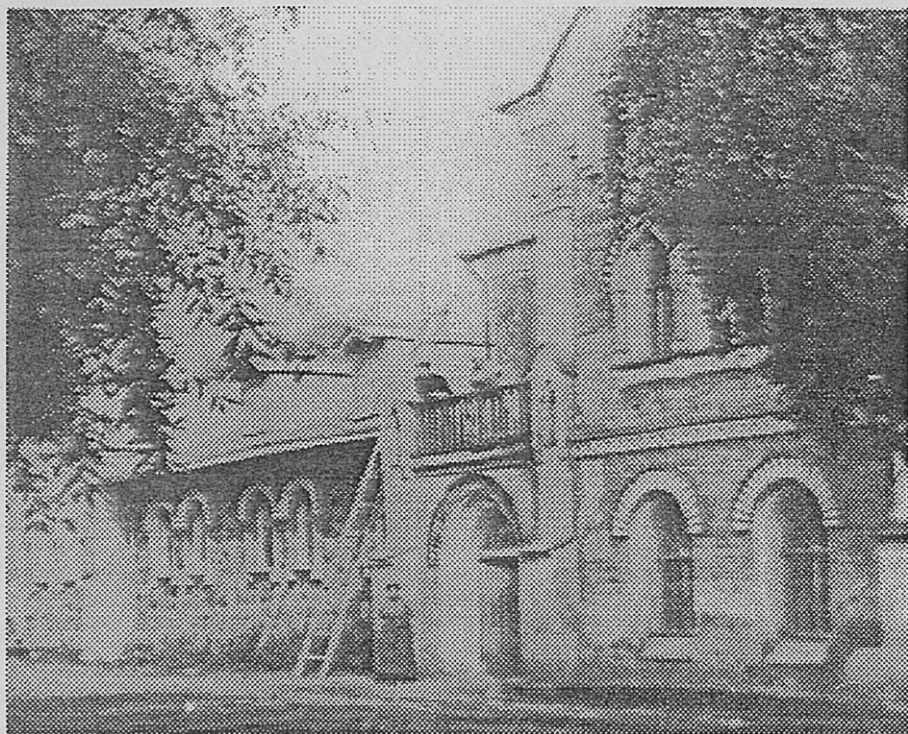
Дом управляющего охотой. Фотография 1910-х гг.

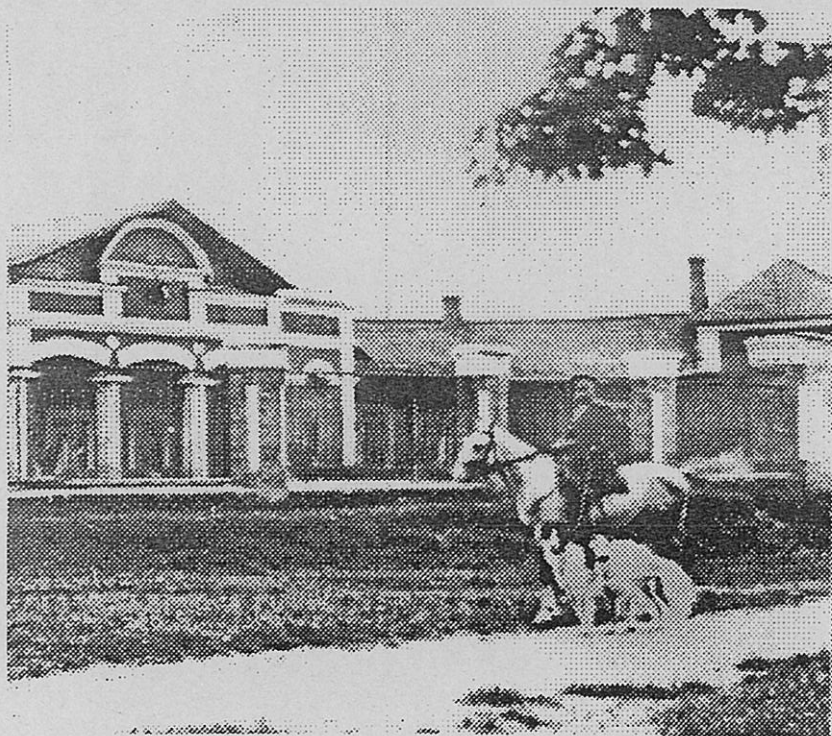
В.Г.Проскуряков с сыном Николаем в своей квартире. Фотография 1913 г.

В.Г.Проскуряков с семьей. Фотография 1913 г.

Ферма. На балконе А.А.Мельдре (Лайвин). Фотография 1910 г.

"Псарник". На арабской ("казачьей") лошади охотник М.И.Грубов.
Фотография 1910 г.